

В.Г. Ревуненков

**Очерки по истории Великой
французской революции**

Падение монархии. 1789-1792

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В.Г. Ревуненков
В11 Очерки по истории Великой французской революции: Падение монархии.
1789-1792 / В.Г. Ревуненков – М.: Книга по Требованию, 2021. – 240 с.

ISBN 978-5-458-30563-1

В монографии с использованием новейших научных данных рассказывается о предпосылках и начальных этапах Великой французской революции конца XVIII в. Описание исторических событий (взятие Бастилии 14 июля 1789 г. и начало революции, крестьянская жакерия, создание и деятельность Учредительного и Законодательного собраний, образование и эволюция политических группировок буржуазии, возникновение войны между Францией и коалицией европейских монархий и т. д.) сочетается с разносторонним анализом движущих сил революции, хода и направления развития борьбы участвующих в ней классов и социальных слоев.

ISBN 978-5-458-30563-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

как и всегда, были слишком трусливы, чтобы отстаивать свои собственные интересы; что, начиная с Бастилии, плебс должен был выполнять за них всю работу; что без его вмешательства 14 июля, с 5—6 октября до 10 августа, 2 сентября и т. д. *ancien régime* неизменно одерживал бы победу над буржуазией, коалиция в союзе с двором подавила бы революцию и что, таким образом, только эти плебен и совершили революцию»¹.

Во французской революции народные «низы» не шли пассивно за буржуазией, а выступали самостоятельно, иногда даже против тех элементов буржуазии, которые пытались затормозить революционный процесс. Эти «низы» громили феодализм и абсолютизм своими собственными, крестьянско-плебейскими методами, наложив на ход революции «отпечаток *своих* требований, *своих* попыток по-своему построить новое общество, на место разрушаемого старого»².

Великая французская революция является ярким, классическим образцом буржуазно-демократической революции, т. е. такой буржуазной революции, в которой народ играет особо выдающуюся роль. В своем развитии она прошла две фазы: восходящую, вершиной которой была якобинская диктатура, и нисходящую, начало которой было положено переворотом 9 термидора. Характеризуя восходящую фазу революции Маркс писал: «В первой французской революции за господством *конституционалистов* следует господство *жирондистов*, за господством *жирондистов* следует господство *якобинцев*... Как только данная партия продвинула революцию настолько далеко, что уже не в состоянии ни следовать за ней, ни тем более возглавлять ее,— эту партию отстраняет и отправляет на гильотину стоящий за ней более смелый союзник»³.

Главной особенностью восходящей линии революции являлось то, что на каждом ее следующем этапе к власти приходили все более радикальные группировки буржуазии, все более возрастало влияние народных масс на ход событий, все более последовательно решались задачи буржуазно-демократического преобразования страны. Напротив, смысл переворота 9 термидора заключался именно в том, что демократические элементы буржуазии были отстранены от власти, с влиянием народных масс на законодательство и управление было покончено, а развитие революции направлено по пути, выгодному исключительно буржуазной верхушке общества. «...27 июля Робеспьер пад, и началась буржуазная оргия»,— писал Энгельс⁴.

Тремя ступенями поступательного развития революции были период Учредительного собрания, период Законодатель-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 126.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 39.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 141.

⁴ Там же, т. 37, с. 127.

ного собрания и период Конвента, до переворота 9 термидора, положившего начало нисходящей линии революции. Сопоставляя английскую революцию XVII в. и французскую революцию, Энгельс писал: «Английская революция семнадцатого века представляет собой в точности прообраз французской революции 1789 года. В „Долгом парламенте“ легко различить три ступени, которым во Франции соответствовали Учредительное собрание, Законодательное собрание и Национальный конвент; переход от конституционной монархии к демократии, военному деспотизму, реставрации и революции *juste-milieu* резко выражен в английской революции. Кромвель совмещает в одном лице Робеспьера и Наполеона...»¹.

Период Учредительного собрания (1789—1791) — это время, когда был сломлен абсолютизм и создан режим конституционной буржуазной монархии. Главным событием этого периода было взятие Бастилии 14 июля 1789 г., в результате которого установилось господство крупной либерально-монархической буржуазии (конституционалистов). Период Законодательного собрания (1791—1792) — это время, когда развернулась борьба за республику, в ходе которой на роль ведущей политической группировки буржуазии выдвинулись жирондисты. Главным событием этого периода было восстание 10 августа 1792 г., которое фактически низвергло монархию и привело к власти жирондистов. Период Конвента (1792—1795) — это время создания демократической республики и ее крушения. Главным событием этого периода было восстание 31 мая—2 июня 1793 г., которое низвергло господство Жиронды, хотевшей республики только для богатых, и передало власть в руки «наиболее последовательных буржуазных демократов — якобинцев»².

Движение революции, по нисходящей линии, начавшееся 9 термидора, завершилось переворотом 18 брюмера (9 ноября 1799 г.), в результате которого установился личный, авторитарный режим Наполеона, переросший в дальнейшем в новую разновидность монархии буржуазного типа.

В настоящих очерках рассказывается о предпосылках французской революции и ее начальных этапах: от созыва Генеральных штатов до провозглашения республики и казни короля.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 602.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 203.

ГЛАВА I

ФРАНЦИЯ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

...Увидел ты Версаль.
Пророческих очей не простирая вдаль,
Там ликовало всё. Армида молодая,
К веселью, роскоши знак первый подавая,
Не ведая, чему судьбой обречена,
Резвилась, ветреным двором окружена.
Ты помнишь Трианон и шумные забавы?

(А. С. Пушкин)

Крестьяне и дворяне

Франция XVIII в. была страной аграрной. Ее население достигло в 1789 г. 25 млн человек, из них не менее 21 млн — крестьяне. Правда, по уровню развития торговли и промышленности Франция опережала остальные европейские страны, уступая лишь Англии. Во Франции было много крупных городов. Париж насчитывал к кануну революции 600 тыс. жителей, Лион — 135 тыс., Марсель — 90 тыс. Однако основой французской экономики оставалось сельское хозяйство, продукция которого значительно превосходила по своей ценности промышленную продукцию. Так, в 1789 г. главный интендант торговли Толозан оценивал годовой доход от сельского хозяйства в 1826 млн ливров, от обрабатывающей промышленности — в 525 млн ливров. Деревня еще решительно преобладала над городом.

Аграрный строй Франции отличался рядом особенностей. Во Франции не было, как, например, в странах Восточной Европы, крупного помещичьего хозяйства, основанного на барщинном труде крепостных крестьян. Ни дворяне, ни церковь, владевшие

в совокупности около $\frac{1}{3}$ всей французской земли, собственного хозяйства, как правило, не вели. Крупное хозяйство фермеров-капиталистов с применением наемного труда, возобладавшее в такой стране, как Англия, во Франции только еще зарождалось. Главная роль во французском сельскохозяйственном производстве принадлежала в ту эпоху мелкому и мельчайшему хозяйству феодально зависимых крестьян, задавленных поборами и влачивших полунищенское существование.

Французские крестьяне уже давно являлись лично свободными. Правда, почти до самой революции в восточных и отчасти северных областях страны сохранилось около 1 млн сервов (крепостных) и так называемых мэнмортаблей, над которыми тяготело право «мертвой руки»: эти люди не имели права передавать свою землю по наследству, и их детям приходилось уплачивать особую подать сеньеру за ввод во владение. Но, будучи в своем подавляющем большинстве лично свободными, крестьяне зависели от сеньера по земле.

В отличие от английского крестьянства, которое к концу XVIII в. было уже почти полностью экспроприировано, французские крестьяне удержали в своих руках значительную часть земли: в разных провинциях в различных размерах, от 20 до 70%, а в среднем по стране не менее 35% всей земельной площади. Но крестьяне владели этой землей лишь на феодальном праве в соответствии со старинной формулой: «Нет земли без сеньера» (*Nulle terre sans seigneur*). Они являлись не собственниками, а лишь наследственными держателями (цензитариями) своих земельных участков, с которых в пользу сеньера взималась масса повинностей. Крестьянская собственность, свободная от каких-либо платежей в пользу сеньера (аллод), сохранилась в виде пережитка лишь в некоторых областях Южной Франции, где признавался принцип: «Нет сеньера без титула» (*Nul seigneur sans titre*). В пользу сеньера взимались либо денежная рента (ценз, или чинш), либо подать в натуре (шампар), а также казуальные платежи (*lods et ventes*). Крестьяне могли по своему усмотрению продать, заложить, сдать в аренду свою землю. Но при продаже нужно было уплатить сеньеру особую подать, доходившую до $\frac{1}{6}$ стоимости цензивы (это и есть казуальные платежи), причем и при переходе в другие руки цензива оставалась цензивой. Ценз, или чинш, распространенный преимущественно на севере, был сравнительно легкой повинностью: не более двух су с арпана (0,4 га). Шампар, преобладавший на юге, никогда не опускался ниже $\frac{1}{20}$ доли урожая, достигая во многих провинциях $\frac{1}{6}$ или даже $\frac{1}{4}$ урожая. Шампар брался не только с зерновых, но и с урожая фруктовых деревьев, винограда, с приплода поросят, домашней птицы и т. п. Это была одна из самых тяжелых крестьянских повинностей, а сеньеры где только могли стремились заменить чинш

шампаром. В крестьянских наказах 1789 г. особенно большие жалобы были именно на шампар.

Но чиншем или шампаром крестьянские повинности в пользу сеньера отнюдь не исчерпывались. Сеньер брал с крестьян дорожные, мостовые и ярмарочные пошлины, а кое-где даже подымную подать (за право иметь дома печь). Особенно тяжело ложились на крестьян сеньериальные баналитеты: только сеньер мог владеть мельницей, хлебопекарней, давилей для винограда, племенным быком или боровом, а крестьяне обязаны были пользоваться всем этим за плату. Обычно сеньер сдавал все эти свои права на откуп какому-нибудь местному богатей или разрешал крестьянам печь хлеб дома и пр., взимая за это особую плату. Сеньеру принадлежало также исключительное право охоты, рыбной ловли и содержания голубятен, которое было очень обременительно для крестьян (охотники топтали крестьянские поля, куропатки и кролики поедали их посевы и пр.). Среди крестьянских повинностей была также барщина, сохранившаяся во многих местах до самой революции, правда, скорее как пережиток, и редко превышавшая 4—5 дней в году (подвезти дрова, скосить луг).

Очень разорительным для крестьян было принадлежавшее сеньеру право триажа, т. е. право огораживать и превращать в свою собственность треть всех общинных угодий (леса, луга, пустоши). Фактически сеньер захватывал этих угодий гораздо больше, крестьянам подчас негде было пасти свой скот. В XVIII в. сеньеры, а также крупные фермеры все чаще огораживали свои поля, практически отменяя тем самым старинные общинные сервитуты, которыми так дорожила сельская беднота: право сбора колосьев на полях после жатвы, право выпаса скота по жнивью.

Сеньер сохранял также значительную долю своей судебной власти над крестьянами, мрачным символом которой была традиционная виселица, возвышавшаяся у ворот каждого замка. Правда, уголовные дела рассматривались уже в королевских судах, но решения по феодальным тяжбам принимал сеньериальный судья, назначаемый владельцем замка. Сеньер был окружен почетом. В церкви он сидел на особой скамье, под балдахин с его гербами. При встречах крестьяне были обязаны низко ему кланяться. Новобрачные, при выходе из церкви, обязаны были целовать ему руку (пережиток исчезнувшего «права первой ночи»). А кое-где крестьяне даже в конце XVIII в. обязаны были бить ночью палками по пруду, чтобы пугать лягушек, мешавших своим кваканьем сну сеньера.

Впрочем, в XVIII в. лишь мелкие, захудалые дворяне продолжали жить в деревне. Дворяне познатнее и побогаче давно уже перебрались в Париж или другие города. Вельможи самого высокого ранга обитали в Версале, вращаясь там, подобно малым планетам, вокруг «короля-солнца», от которого они полу-

чали и свою силу, и свой блеск. Городская и особенно придворная жизнь стоила дорого. Поэтому свои поместья крупные сеньеры обычно сдавали в аренду богатым капиталистам, из среды которых особо выделялись так называемые «генеральные фермеры». Эти последние не только брали в аренду дворянский домен или церковные имения. Они брали также на откуп сбор сеньериальных платежей и церковной десятины, причем взыскивали их с крестьян с такой строгостью, какая была несвойственна знатым сеньерам. «Генеральные фермеры» вели также крупную торговлю хлебом, вином, скотом, занимались они и ростовщическими операциями. «Генеральные фермеры» составляли иногда целые компании, которые ворожали миллионами. В XVIII в. наблюдался и еще один процесс: усиленная скупка дворянских земель, а также земель разорявшихся крестьян-цензитариев буржуазией, богатыми горожанами. Эта скупка (несмотря на то, что покупателям дворянских имений приходилось платить крупный налог в казну) шла так интенсивно, что к кануну революции до 30% всей французской земли оказалось в руках буржуазии. Но лишь немногие крупные землевладельцы из среды буржуазии, как и лишь немногие дворяне, пытались наладить собственное хозяйство на основе наемного труда батраков и с применением передовых агрономических методов. Такие крупные хозяйства появлялись лишь в областях, прилегающих к большим городам, где существовал повышенный спрос на хлеб и продукты животноводства. Но вплоть до революции количество таких хозяйств было не велико. Подавляющее большинство крупных земельных собственников как дворяне, так и буржуа, включая и «генеральных фермеров», бравших в аренду дворянские домены, сами не организовывали сельскохозяйственного производства, а сдавали свои (или арендованные) земли в аренду (или в субаренду). Кому же? Тем же самым крестьянам.

Далеко не все крестьяне имели цензивы. Количество безземельных крестьян было очень велико, почти нигде не опускаясь ниже 15—20% и достигая во многих местах 70—75% от общей массы крестьянства. Не менее велико было и количество малоземельных крестьян, владевших столь маленькой цензивой, что прокормиться с нее крестьянской семье было совершенно невозможно. Вся эта беднота была вынуждена арендовать землю у дворян, церкви и собственников-буржуа на самых кабальных условиях. Аренда встречалась двух типов: либо за фиксированную денежную плату, либо из доли урожая (испольщина). Арендный договор заключался на различные сроки, на 3 года, на 9 лет (т. е. на один или три срока трехпольного севооборота), иногда на всю жизнь арендатора. Наиболее распространенной формой аренды во Франции XVIII в. было половничество (*métayage*). Половники — самые обездоленные среди тогдашнего французского крестьянства. У большинства из них, кроме

хижины, огорода и примитивного инвентаря, ничего не было. Земельный собственник предоставлял им участок земли, рабочий и продуктивный скот, основной инвентарь, семена для посева, а иногда и продовольственную ссуду. Взамен этого половники уступали землевладельцу от одной трети до половины урожая (а также приплода скота и пр.). Весьма часто половник оказывался в долговой кабале у землевладельца.

Среди многочисленных крестьянских повинностей была также и десятина в пользу церкви. Эта десятина составляла обычно $\frac{1}{12}$, $\frac{1}{15}$ или даже $\frac{1}{20}$ урожая, и бралась она не только с хлеба и винограда, но и с приплода скота, домашней птицы и т. п. Половники платили половину десятины. Однако поборы с крестьян в пользу церкви одной десятиной не ограничивались. Священники брали еще особую плату с прихожан за совершаемые ими требы (крестины, венчания и пр.), на ремонт храма, а также на добавку к своему жалованью.

По оценке А. Матьеза, феодальные платежи с крестьян приносили дворянам годовой доход в размере 100 млн ливров, а их доход с земель собственного домена, сдаваемых обычно в полную аренду, составлял не менее 120 млн ливров в год. Церкви десятина приносила ежегодно до 120 млн ливров дохода, а арендная плата с церковных земель — около 100 млн ливров.

Но плоды крестьянского труда доставались не только дворянам и церкви. Не меньшую их долю изымало и дворянское государство в виде прямых и косвенных налогов. Налоги на протяжении всего XVIII в. неуклонно росли, и распределялись они между различными группами населения крайне неравномерно.

Население Франции делилось тогда на три сословия. Первое сословие — духовенство, второе сословие — дворянство, все остальные группы населения — третье сословие. Первые два сословия обладали целым рядом привилегий, третье сословие являлось совершенно бесправным. Одной из самых важных привилегий духовенства и дворянства было освобождение от главных налогов. Обладая около $\frac{1}{3}$ всей земли и огромными доходами от своих феодальных прав, первые два сословия налогов платили очень мало. Вся тяжесть налогов падала на третье сословие. Старинная формула гласила: «Дворяне служат королю шпагой, духовенство — молитвой, третье сословие — своим имуществом». Но так как и города имели определенные льготы по налогам, то основным и главным налогоплательщиком во французском королевстве являлось многострадальное крестьянство.

Основным прямым налогом во Франции XV—XVII вв. являлась талья — налог на землю и имущество. Этот налог платили только крестьяне и горожане (буржуа, ремесленники). Дворяне и духовенство были от него освобождены. При Людовике XIV

к талле был добавлен еще один прямой налог: подушная подать (капитация). Формально капитацию должны были платить все подданные короля. По регламенту 1701 г. все французы были разделены на 22 налоговых класса; во главе первого класса стоял наследник престола (дофин), который должен был платить капитацию в размере 2 тыс. ливров ежегодно; в последнем классе числились солдаты и поденщики, платившие 1 ливр в год. Но духовенство уже в 1710 г. навсегда избавилось от капитации, внося в пустую тогда королевскую казну единовременный взнос в размере 24 млн ливров. Дворяне всячески уклонялись от уплаты капитации, и их взносы в казну по этому налогу были совершенно ничтожны. Людовик XV ввел (в 1749 г.) еще один прямой налог: двадцатину (*vingtième*), т. е. пятипроцентный сбор со всех доходов, включая и доходы от феодальных прав дворян и от церковной десятины. Но духовенство уклонилось и от уплаты этого налога, выговорив себе льготу: вносить ежегодно в казну «безвозмездный дар» (*don gratuit*) в размере 2,5 млн ливров, т. е. совершенно ничтожную сумму по сравнению со своими доходами. Дворяне также платили двадцатину далеко не в полном ее объеме.

С крестьян налоги взыскивались с большой суровостью. Штрафы, заключения в тюрьмы, конфискация имущества за неуплату налогов были повседневным явлением.

На крестьян падала и еще одна государственная повинность, введенная в 1737 г., — дорожная барщина. Эта повинность отнимала у них до 12 рабочих дней в году, а иногда и больше.

Очень обременительными для крестьян и остальных слоев «мелкого люда» были косвенные налоги, падавшие буквально на все предметы широкого потребления. Косвенные налоги сдавались обычно на откуп компаниям откупщиков, которые авансировали казне крупные суммы, а затем выколачивали с населения гораздо больше того, что сами вносили в казну. Особенно разорительным для крестьян был налог на соль (габель). Закон устанавливал, сколько соли и по какой цене нужно было купить на каждую душу (включая грудных детей). Нормы потребления соли и цены на нее в различных областях были различными. В одних областях на каждую душу нужно было купить 6,5 фунта соли, в других — 19,5 фунта. В одних областях соль продавалась по цене 16 ливров за квинтал, в других — по 62 ливра за квинтал. Власти жестоко карали за покупку соли у контрабандистов (по более дешевой цене). По стране рыскали «габеллеры» — соляные приставы, искавшие контрабандную соль у крестьян.

Постепенно косвенные налоги стали давать большую часть налоговых поступлений. Уже в 1725 г. поступления в казну от прямых налогов составили 87,5 млн ливров, от косвенных — 99 млн ливров, а в 1788 г.: от прямых налогов — 179,3 млн ливров, от косвенных — 243,5 млн ливров.

Подавляющее большинство крестьян жило в ту эпоху в крайней бедности. Главными орудиями труда крестьянина были деревянная соха да мотыга. Очень велико было количество безлошадных. Жилищем крестьянину служила деревянная хижина, часто полужемлянка, без окон и трубы, с глиняным полом; здесь же, за перегородкой, размещались скот и птица. Свою одежду крестьянин шил из грубого, дмотканного полотна и из такого же сукна, которое, правда, не знало износа и служило нескольким поколениям. Обувью ему служили деревянные башмаки (сабо). К рынку крестьянин обращался редко: чтобы продать свой хлеб или какую-нибудь живность, когда нужно было платить налоги и повинности, или чтобы прикупить хлеба ранней весной, поскольку собственного хлеба ему до нового урожая, как правило, не хватало. Вместе с тем во французской деревне XVIII в. имелись уже и зажиточные, и даже богатые крестьяне, которые жили несравненно лучше.

Классовая дифференциация французского крестьянства шла уже сравнительно далеко. В областях так называемой «крупной культуры» (примыкающих к городам) имелась численно еще небольшая, но весьма влиятельная прослойка крупных фермеров-капиталистов, вербовавшаяся как из среды городской буржуазии, так и из среды богатых крестьян. Эти фермеры вели крупное хозяйство на рынок с применением наемного труда батраков. Они брали в аренду не только земли сеньера или церковные земли, но и сбор сеньеральных платежей или церковной десятины. Они являлись также самыми крупными в деревне ростовщиками, предоставляя ссуды крестьянам под залог их земель. Крестьянская беднота питала лютую ненависть к этим «кровососам». Если же говорить о собственно крестьянстве, то его высшим слоем являлись так называемые «пахари» (*laboueurs*). «Пахари» — это зажиточные крестьяне, имевшие сравнительно крепкое хозяйство либо на своей земле (цензиве), либо на арендованной земле. Они поставляли значительную часть своей продукции на рынок, нанимали батраков во время сенокоса или жатвы, у них сельская беднота занимала хлеб или деньги, брала внаймы рабочий скот или орудия труда. Именно из среды «пахарей» выделялись сельские богачи, превращавшиеся постепенно в фермеров-капиталистов. Но основная масса мелких крестьян шла по другому пути. Непомеренные сеньеральные и фискальные платежи разоряли их, они влезали в долги, распродавали скот, даже землю, и все больше смыкались с крестьянской беднотой. Самую многочисленную прослойку среди крестьянства составляли так называемые «работники» (*manouvriers*). «Работники» — это крестьяне-цензитарии или арендаторы, которые имели столь мелкое хозяйство, с которого их семьи не могли прокормиться и которым приходилось подрабатывать на пропитание, либо нанимаясь в батраки к своим богатым односельчанам или крупным фермерам, либо

занимаясь еще каким-либо кустарным промыслом. На самой низшей ступени крестьянской иерархии находились «поденщики» (*journaliers*) и «слуги» (*domestiques, valets*), т. е. собственно сельские пролетарии, не имевшие своего хозяйства и жившие исключительно продажей своей рабочей силы. Однако удельный вес этого сельского пролетариата в собственном смысле слова был незначителен по сравнению с массой мелких и мельчайших крестьян-цензитариев или арендаторов.

Крестьянское хозяйство в своей массе было мелким и отсталым. Земля обрабатывалась самым примитивным способом, плохо удобрялась. Следствием этого были частые неурожаи и голодовки, уносившие огромное количество жизней. Во французской деревне (да и в городах) было много нищих и бродяг, которых власти сурово преследовали. Положение крестьян было столь тяжелым, что они не могли не бунтовать. В голодные годы неизменно вспыхивали хлебные бунты, в которых участвовали и крестьяне, и городская беднота. Происходили также многочисленные беспорядки, волнения и восстания против налогов и феодальных поборов. Восставшие прогоняли сборщиков налогов, громили дома и конторы откупщиков, уничтожали феодальные документы, вели бои с полицейской стражей.

В 50-е годы XVIII в. в юго-восточной Франции развернулось знаменитое «движение Мандрена», представлявшее собой широкое народное выступление против откупной системы. Луи Мандрен, мелкий торговец, приговоренный заочно к колесованию за участие в вооруженной стычке при наборе в милицию, бежал к контрабандистам и стал их вожаком. На территории Савойи и Швейцарии он формировал отряды контрабандистов, снабжал их оружием и товарами и предпринимал экспедиции во Францию. В 1754—1755 гг. эти экспедиции распространились на Дофине, Бургундию, Прованс, Лангедок и другие провинции. Мандрен и его люди вторгались в города, громили конторы откупщиков, забирали взысканные ими с населения деньги, освобождали из тюрем тех, кто был заключен в них за контрабанду и недоимки. И крестьяне, и городская беднота поддерживали Мандрена, что и обеспечивало успех его экспедиций. После того как Мандрен побывал во многих городах, власти встревожились и направили против него крупные силы. В мае 1755 г. Мандрен был захвачен на территории Савойи, доставлен во Францию и казнен. Но созданные им и вновь возникавшие отряды контрабандистов еще долго продолжали свои рейды по городам и селам юго-восточной Франции. Один из соратников Мандрена объявил себя «Мандреном-младшим».

Мандрен стал народным героем. О нем слагались песни и легенды.